

Е.А. Артюх

**В.В. РАДЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ**

В 1859 г. в Барнаул прибыл доктор философии Василий Васильевич Радлов (Friedrich Wilhelm Radloff) — будущий ординарный академик, крупнейший языковед-тюрколог, замечательный этнограф и археолог, труды которого оказали огромное влияние на развитие мирового востоковедения. В этом городе началась его научная и педагогическая деятельность. Одна из улиц современного Барнаула носит имя исследователя с 1963 г.

По высочайшему повелению Кабинета его величества, с разрешения Министра Императорского двора В.В. Радлов был определен в Барнаульское окружное училище 14 мая 1859 г. учителем немецкого языка. При этом ему было назначено жалование в 1000 руб. серебром в год [Штернберг 1909: VIII; ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 12–12 об.]. Василий Васильевич прожил в Барнауле до 1871 г. Это время, определившее весь дальнейший творческий путь ученого, принято называть алтайским периодом его жизни.

При переезде из Санкт-Петербурга в Барнаул он получил «на подъем 500 рублей серебром, т.е. половину оклада <...> и на прогоны 251 руб. 72 коп. серебром» [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 10–10 об., 12 об.]. Вскоре из

Берлина в Барнаул прибыла невеста В.В. Радлова, с которой он обручился еще перед отъездом в Россию, — молоденькая народная учительница Паулина Августовна Фромм. Она стала деятельной помощницей и верным другом его до конца своей жизни (скончалась в 1899 г.). За двенадцать лет жизни на Алтае в этой немецкой семье родилось пятеро детей — Юлия (28.11.1860), Владимир (01.08.1862), Алексей (23.10.1863), Анна (17.05.1867), Александр (02.12.1871). В семье поддерживались традиции лютеранской религии [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2].

Одновременно с преподавательской деятельностью молодой доктор философии занялся исследованием Алтая. Его научная деятельность протекала в благоприятных условиях при содействии барона Петра Казимировича Мейендорфа, который в декабре 1860 г. обратился с просьбой в Кабинет о разрешении В.В. Радлову «совершать поездки с ученой целью в свободное от служебных занятий время» [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 187 об. — 188]. Кабинет откликнулся положительно и поручил ученому проводить «исследование Алтайского округа в естественно-историческом и этнографическом отношениях». На научные экспедиции В.В. Радлова выделялись ежегодные правительственные пособия до 700 руб. серебром. Денежные субсидии должны были вноситься в алтайские заводские сметы в течение пяти лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 2 об. — 3]. Потом этот срок был продлен еще на пять лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 3, 134–136, 182]. С 1862 г. Радлову оказывала поддержку и Императорская археологическая комиссия (ИАК) в лице ее председателя — графа Сергея Григорьевича Строганова [АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 22 — 23 об.].

Не менее важной для ученого была помощь местного руководства, а именно начальника Алтайского горного округа Александра Ермолаевича Фрезе, который в течение 1864–1871 гг. оказывал ему постоянное содействие при разъездах по краю, всячески ограждал его от возможных конфликтов с представи-

телями местной администрации и общества. Известны следующие предписания А.Е. Фрезе: «Горным конторам, управляющему рудными промыслами и приставам отдельных рудников, чтобы они в случае находки древних вещей присылали их г. Радлову с описанием местности, где они будут найдены, для снятия рисунков» [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 146 — 148 об., 150 об. — 151]. В это время, в 1866 г., ученый собирал древние вещи по поручению ИАК для сборника «Сибирские древности».

Многочисленные экспедиции исследователя требовали времени на их осуществление. Местное горное начальство создавало все условия для научной деятельности В.В. Радлова. В Барнаульском окружном училище ему разрешалось проводить свои занятия так, чтобы начинать их позже установленного срока (в сентябре вместо августа) и раньше заканчивать (в апреле вместо мая). Тем самым освобождалось время для летних экспедиций ученого.

Радлову разрешали брать в путешествия помощников из учеников старших классов Окружного училища. Известно, что они сопровождали его ежегодно, с 1861 по 1863 гг. [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 53 об. — 55 об., 61–62, 68 — 68 об., 127]. Так, летом в 1861 г. и 1862 г. вместе с В.В. Радловым был командирован воспитанник 1-го класса училища практического горного отделения Ипполит Попредухин [Там же. Л. 25]. А в 1863 г. и 1865 г. — Павел Ивачев, «молодой человек с большим талантом» [Там же. Л. 124, 128 об. — 129; АИИМК. Ф. 1. 1863 г. Д. 8. Л. 22].

Оказание значительной помощи и поддержки со стороны очень влиятельных лиц молодому ученому может казаться невероятным. Некоторые исследователи объясняли это тем, что В.В. Радлов заключил особое соглашение с русским правительством, стал его агентом. Достоверных доказательств этому утверждению нет. Однако известно, что в России была распространена практика вербования правительством негласных агентов. На протяжении XIX в. сложилась разновидность

военно-научной деятельности — военное востоковедение [Рыженков 1991: 4–7, 13; Данциг 1968: 149–151]. Во второй половине XIX в. главное направление русской внешней политики переместилось на Средний Восток. В этих условиях одним из центров военного востоковедения стал Отдельный Сибирский корпус (позже — Западно-Сибирский). Туда стекалась информация о соседних с Россией народах от агентов русского правительства и военных офицеров [Рыженков 1991: 10–11]. В.В. Радлов, как известно, проводил свои исследования на пограничных территориях, давал географические описания труднопроходимых районов, составлял маршрутные карты. Сведения о малоизвестных тюркоязычных народах России и об их соседях, собранные им, имели большое практическое значение.

Организация научных исследований В.В. Радлова в 1859–1870 гг. всегда осуществлялось на высоком уровне. В 1859 г., практически сразу же по прибытии в Барнаул, юношу-учителя пригласил сам А.Е. Фрезе в ознакомительную поездку в Кузнецкий округ. По возвращении в Барнаул его ожидал другой приятный сюрприз. У А.Д. Озерского, главного начальника алтайских заводов и томского губернатора, находилась делегация алтайцев во главе с зайсаном. При содействии губернатора ученому удалось убедить зайсана прислать ему инородца для обучения живой алтайской речи. Так в Барнауле появился алтаец Яков Тонжан, проживший в небольшой квартире Радловых около полугода [Штернберг 1909: X]. Именно этого человека будущий великий тюрколог считал своим учителем алтайского языка.

Вообще всю свою жизнь В.В. Радлов неустанно осваивал новые языки и диалекты, в чем ему помогали, как правило, самые простые люди — представители нерусских народностей. Тюркские и вообще восточные языки давались ему гораздо легче, чем русский. Например, еще в первый год приезда в Россию юноша овладел маньчжурским языком. Через двенадцать лет он все еще мог свободно объясняться на нем [Бартольд 1976: 668]. Но русский язык Радлов осваивал с большим трудом.

Уже известного миру академика преследовали нетактичные, а порой и грубые обвинения в безграмотности. Это не могло не расстраивать ученого. В фонде Н.С. Гуляева сохранилось письмо Николая Степановича «старому другу» [ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294. Л. 1–2]. В нем Гуляев высказывал свое негодование по поводу «шовинистической» заметки, опубликованной в «Новом времени», под названием «Поругание государственного языка в русской Академии наук». Этот номер вышел из печати, по всей видимости, в 1906 г. или в 1907 г., т.к. Н.С. Гуляев писал: «Мне жаль старика Радлова (ему почти восемьдесят лет)». Статья была подписана «Изумленный». Гуляев назвал ее автора «националистом» и не без оснований, т.к. он «облил помоями почтенного академика Радлова». Как отмечал краевед, В.В. Радлов, «признанный европейскими учеными (не одними немцами) лучшим знатоком тюркских народов, лучшим синологом» действительно «не научился правильной русской речи», «некоторые слова произносит с немецким акцентом и ошибается в согласованиях, над чем и я, его глубоко уважающий и чтящий ученик, частенько посмеивался». Но, как отмечал далее Н.С. Гуляев, этими недостатками страдают многие «чистокровные интеллигенты, окончившие учебные заведения», здесь он имел в виду еще и людей, русских по происхождению.

Следующую выдержку из письма следует привести полностью: «Думается мне, что история этой заметки произошла так: некий из недоброжелателей Радлова, даже quasi ученый, <...> выписал с особым смакованием выдержки: “У него были две супруг...», “Он был круглая сирота” и др. <...> обратился с просьбой к г. «Изумленному»: “А ну-ка, друг, продерника в газете немчуру, большое засилье взяли эти немцы над нами, обругай похлеще”» [ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294. Л. 2].

Важно понимать, что часто подобные претензии к В.В. Радлову были продиктованы отнюдь не стремлением отечественных ученых к «чистоте» русского языка, а гораздо более призем-

ленными человеческими чувствами. Как, например, это было в случае с полемикой между В.В. Радловым и В.Д. Смирновым, известным востоковедом [Гордлевский 1968: 413]. В.Д. Смирнов, выступавший за русификацию, нетерпимый ко всем нерусским народностям, был настроен к своему оппоненту, тогда инспектору инородческих школ Казанского учебного округа, очень агрессивно [Отзывы..., 1884: 10]. Он высмеивал не очень хорошее знание ученым русского языка и осуждал его учебную систему медресе.

Летом 1860 г. В.В. Радлов отправился во вторую экспедицию по Южному Алтаю за свой счет [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 23 — 23 об.]. Его интересовали прежде всего материалы по этнографии, языку и фольклору алтайцев. Кроме того, в 1860 г. ученому удалось собрать сведения о торговых связях русских с монголами. Эти материалы были использованы им в статье «Торговые сношения России с западной Монголией и их будущность» (1870). На обратном пути Радлов познакомился с телеутом Михаилом Чевалковым в православной миссии в Улалу. Он знал не только свой родной язык, но и русский, был грамотным — явление довольно редкое в то время среди алтайцев. Он дал согласие приехать к тюркологу в Барнаул, где всю последующую зиму тот учился у него телеутскому языку [Штернберг 1909: XIII].

Весной 1861 г. исследователь вновь собрался в экспедицию, взяв с собой М. Чевалкова. В тот год они посетил Кузнецкий, Бийский и Мариинский округа Томской губернии, а также Енисейскую губернию [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 11]. Им было выдано два открытых предписания на взимание лошадей в Алтайском и Минусинском округах и об оказании поддержки со стороны местных начальств. На свою поездку В.В. Радлов получил 350 руб. серебром: сумма в 700 руб. была поделена пополам с лекарем Ю.В. Людвигом, который исследовал Алтайский округ «в естественноисторическом отношении» [ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 30].

Ю.В. Людвиг был «даровитым натуралистом», принявшим службу в Барнауле с целью научного исследования края [Штернберг 1909: IX]. Обстоятельства личной жизни помешали его научной карьере, и ему пришлось перейти на земскую службу. Через много лет, уже в Петербурге судьба снова свела двух ученых. В начале XX в., когда В.В. Радлов работал директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, к нему обратился семидесятилетний Ю.В. Людвиг. Он просил своего старого друга дать ему возможность поработать в анатомическом отделе музея. За восемь лет работы доктор Людвиг привел в порядок все антропологические коллекции музея.

В 1861 г. в Барнауле состоялось знакомство В.В. Радлова с краеведом Степаном Ивановичем Гуляевым и участниками французской научной экспедиции — Луи де Эйхталем, Мари Луи Гюставом Менье и Оскаром Нейманом [Рафиенко 2000: 241–245]. Французская экспедиция продемонстрировала прекрасные возможности археологии в реконструкции жизнедеятельности древних народов, что не могло не заинтересовать ученого. По окончании раскопок он отослал в ИАК краткий отчет и рисунки найденных вещей [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 21]. С этого момента началась его переписка с председателем комиссии С.Г. Строгановым.

С мая 1862 г. В.В. Радлов начал свои первые самостоятельные археологические раскопки под патронажем ИАК. Вплоть до 1869 г. все его этнографические изыскания, как правило, сочетались с археологическими. На исследования ученого в 1862 г. было выделено 700 руб. от Кабинета и 300 руб. от ИАК [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 60 об., 62 об., 86 — 86 об.]. Одним из результатов комплексной экспедиций того года стали раскопки курганов на обширной территории [Демин 1989: 78–79]. Также были проведены этнографические и лингвистические исследования в окрестностях р. Или и около оз. Иссык-Куль. Тщательное изучение разнородного населения Илийской долины дало новые сведения об образе жизни и языках калмыков, киргизов, таранчей, китай-

цев и маньчжуров. Другим важнейшим итогом поездки стало историко-географическое описание этого региона [Артюх 2004: 47–51].

В 1863 г. В.В. Радлов планировал закончить исследование Алтая, направившись в его восточную часть к абаканским татаграм, которые обитали в северо-западной части Томской и южной части Енисейской губерний [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 108]. Помимо изучения языка и быта этих народов он должен был «произвести раскопку некоторых курганов» по поручению ИАК. На это мероприятие комиссия назначила «по примеру 1862 г. небольшую сумму» [АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17. Л. 12 об.]. Также Радлов получил 550 руб. на этнографические исследования, 100 руб. были выданы лекарю Ю.В. Людвигу [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 34]. Кроме того, выдали открытые предписания для разъездов по Ачинскому и Минусинскому округам и подорожную на три лошади [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 77, 82 – 83 об.].

Маршрут экспедиционной поездки ученого в 1863 г. пролегал по Восточному Алтаю (реки Томь и Таштып) и Минусинской котловине. На этой территории им было обнаружено и раскопано около 100 курганов [АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17. Л. 12 об.]. Тогда же он осматривал писаницы, изваяния, копировал рунические надписи [Белокобыльский 1986: 62; Дэвлет 1996: 31–34].

В 1864 г. в алтайских исследованиях тюрколога произошел небольшой перерыв. Кончилось пятилетие его субсидий на летние экспедиции и пришлось ехать в Петербург хлопотать о продолжении командировки. Между тем прежний покровитель — барон П.К. Мейендорф — умер, и ученый начал искать новых заступников. Помог ему академик Карл Бэр, познакомив с известной фрейлиной, баронессой Эдитой Федоровной Раден, а через нее с Великой княгиней Еленой Павловной. При содействии этих женщин выплата пособия была продолжена еще на пять лет [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 182]. При-

знательный Радлов посвятил баронессе Раден свою известнейшую работу «Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten» (1884). До сих пор остается неизученной переписка ученого с баронессой Э.Ф. Раден на немецком языке, за период 1869–1884 гг. [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 219]. Это дело состоит из шестнадцати писем Эдиты Федоровны, посланных В.В. Радлову из Санкт-Петербурга, Костромы и Москвы.

В Петербурге исследователь получил 350 руб. на издание собранных им на Алтае материалов. С этой целью в июле 1864 г. он был послан в Германию [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 143–144, 182]. В его формулярном списке значилось: «По высочайшему повелению уволен в отпуск за границу на каникулярное время, со 2 июля по 15 сентября 1864 г. с оставлением в службе и с сохранением жалования» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2 об. — 3]. Радлов отправился в путешествие со всей своей семьей в Берлин, чтобы навестить родителей. После Берлина они поехали в Тироль [Штернберг 1909: XIV]. В архиве хранится «Дневник неизвестного лица о пребывании семьи Радловых в Берлине в 1864–1865 гг.» [СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 1 — 32 об.]. Он написан на немецком языке, к дневнику приложены письма родственникам от самого Василия Васильевича и его жены — Паулины Августовны [Там же. Л. 2–4, 6, 24]. Вернулся Радлов в Барнаул, вероятно один, 16 декабря 1864 г., именно такую запись мы обнаружим в его формулярном списке [Там же. Л. 2 об. — 3]. Он продолжил преподавательскую деятельность в Барнаулском окружном училище. Его семья приехала в Барнаул только в марте 186 г. [Там же. Л. 22 об.].

На следующий год экспедиционные поездки были возобновлены. В это лето исследователь собирался направиться в Горный Алтай и на Бухтарму. Ему необходимо было закончить изучение инородческих племен «собственно Алтая». Для путешествия В.В. Радлов получил 700 руб. от казны и подорожную на три лошади [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819.

Л. 127 об. — 128]. ИАК выдала Открытый лист «для исследования и раскопки курганов в Западной Сибири». Археологические раскопки Радлова у рек Катанда и Берель стали мировой сенсацией [Захаров 1926: 71–106; Сорокин 1969: 208–209; Демин 1989: 79–81].

Летом 1866 г. ученый намеревался заняться «лингвистическими и другими исследованиями» в Томской, Тобольской и Семипалатинской губерниях [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 139]. Он получил открытые предписания об оказании содействия со стороны местного начальства и подорожную на три лошади. Денежное пособие на 1866 г. составило 1050 руб., из которых 350 руб. было выдано как остаток по смете 1864 г.

В этот же год В.В. Радлов с большим размахом провел археологические раскопки в Барабинской степи и в Казахстане. За довольно короткий срок он раскрыл более 70 курганов. Результаты этих археологических изысканий в полной мере не опубликованы, отчасти потому, что непродуманная методика раскопок привела фактически к гибели памятников [Демин 1989: 81].

На следующий год исследователь снова собирался обратить свое внимание на тюркоязычные племена Томской и Тобольской губерний. Ему выдали открытые предписания об оказании содействия от томского и тобольского губернаторов и подорожную на три лошади с проводниками [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 155 — 155 об., 159 об. — 160, 162–164]. Денежные средства от Кабинета составили 700 руб. серебром.

Подводя итоги этнографическим изысканиям 1866–1867 гг., В.В. Радлов писал, что во время путешествия «по улусам барабинских и тобольских татар» он «окончил исследование наречий и бытности этих племен и определил <...> отношение между ними и обитателями Алтайских гор» [Там же. Л. 165].

Во второй половине 1860-х годов началось завоевание Туркестана и открылась возможность при особенно благоприятных условиях попасть в страну тюркских народов, изучение которых живо интересовало тогда и общество, и высшую администра-

цию края. Два лета (1868 и 1869 гг.) исследователь посвятил Семиречью. В 1868 г. он совершил путешествие в северную его часть — в Среднюю Азию, посетив Чимкент, Самарканд, долину Зеравшана и ряд других районов, неизвестных в этнографическом и лингвистическом отношениях.

Намереваясь отправиться в Семиречье, Радлов писал С.Г. Строганову, что за восемь лет он уже окончил изучение алтайцев, минусинских и тобольских татар и западных киргизов и желал бы продолжить свои занятия в Туркестанской области [АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22. Л. 1]. Далее он заметил, что мог бы быть очень полезен для правительства в только что завоеванном крае, т.к. изучал «киргизский и татарский языки и самый быт этих народов».

Глава ИАК одобрил эту инициативу и просил провести и археологические исследования, на которые обещал выслать 400 руб. [Там же. Л. 3, 20–21]. Помимо этих денег от ИАК ученый получил 1050 руб. от Кабинета, из которых 350 руб. остались неизрасходованными с прошлого года [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 165 — 165 об., 170 об. — 171]. Туркестанский генерал-губернатор выслал В.В. Радлову Открытый лист на разъезды по Семиреченской и Сырдарьинской областям и об оказании законного содействия со стороны местного начальства, но без права требования от местного населения перевозочных средств [Там же. Л. 178 — 17 об., 184 — 184 об., 198 — 199 об.].

Туркестанский край исследователь посетил вместе с царской армией, причем сразу же после взятия Самарканда [Бартольд 1976: 684]. Военные обстоятельства не позволяли ученому удалиться от армии. Поэтому он был вынужден отложить до следующего года раскопку курганов, обнаруженных им в долине р. Шу, к северу от Александровского хребта [АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22. Л. 6, 10 — 10 об.].

В 1869 г. Кабинет выделил тюркологу 700 руб. Этнографические изыскания этого края В.В. Радлов сочетал с археологическими: раскрыл курганы, обнаруженные им ранее, и описал другие, увиденные им впервые [Там же. Л. 10 — 19 об.].

В результате путешествий 1868—1869 г. были собраны многочисленные материалы не только по лингвистике, фольклору, этнографии и археологии, но и по географии, быту, торговле и управлению Туркестанского края. В.В. Радлов как знаток местных языков участвовал в работах по разграничению завоеванных территорий с соседними ханствами. По итогам экспедиции была составлена карта, «главное достоинство» которой состояло в «правильной передаче местных географических названий и в показании распределения племен» [Лунин 1974: 32, 303].

В последний год своей командировки ученый намеревался «предпринять путешествие по Алтаю для окончания <...> этнографических разысканий». Для этих целей он получил 700 руб. серебром, заграничный паспорт и казенные документы [ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819. Л. 209 об. — 210, 211, 206 об.]. В 1870 г. Радлов в сопровождении ветеринара Калнинга совершил поездку по торговому пути через г. Бийск, р. Урсул, по берегу р. Чуи до русских лавок в Кош-Агаче. Перебравшись через границу, он доехал до китайского г. Кобдо [Радлов 1989: 13].

Таким образом, ученому во время его двенадцатилетнего пребывания на Алтае удавалось почти ежегодно (кроме 1864 г.) проводить исследовательские поездки ко всем народам «тюркского мира» России и за ее пределами. Материалы, собранные им за эти годы, потребовали многократной проверки и систематизации. Первые пять лет ушли на подготовку работ к изданию. Как сообщали современники В.В. Радлова, в эти годы он выделял на сон и отдых всего лишь 3—4 часа в сутки [Штернберг 1909: XI]. Научное сообщество узнавало о его деятельности только из отдельных статей и отчетов. Последние отправлялись в ИАК (с начала 1862 г.) и в Кабинет его императорского величества (с начала 1861 г.). Из Кабинета их пересылали в Императорскую академию наук и там публиковали. Так, с 1866 г. Академия приступила к изданию накопленных В.В. Радловым фольклорных текстов тюркоязычных

народов — «Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи». Почти непрерывно, с 1866 г. до 1887 г. выходили эти капитальные работы, принесшие известность тюркологу не только среди языковедов, но и в широком кругу этнографов и фольклористов. В 1868 г. администрация Дерптского университета наградила В.В. Радлова званием доктора филологии (*honoris causa*) за особые заслуги по языкознанию [Штернберг 1917: 125].

Кроме того, с 1868 г. исследователь предоставлял отчеты о своих путешествиях Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО), которые публиковались в его подведомственном издании — в «Известиях». Совет Общества, оценив по заслугам статьи молодого ученого, попросил его стать корреспондентом и предоставил инструкцию. Дважды ИРГО присуждало В.В. Радлову серебряные медали. Первую он получил в 1870 г. за статью «Торговые сношения России с Западной Монголией», а вторую в 1872 г. за этнографические исследования о жителях Зеравшанской долины.

В 1871 г. В.В. Радлов вместе с семьей переехал в Казань, получив должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. В Барнауле он не оставил после себя ни последователей, ни научного общества, как это рекомендовал К. Риттер [Жук 1995: 20].

В казанский период жизни В.В. Радлов, занятый главным образом административной деятельностью в образовании, не проводил научных экспедиций. В свободное время он обрабатывал результаты двенадцатилетних исследований, полученных на Алтае и соседних территориях. С 1871 по 1884 гг. были изданы отдельные статьи по общей филологии, а также такие его работы, как «Мифология и мирозерцание жителей Алтая» (1882, 1883), двухтомный итоговый труд по истории Сибири на немецком языке под названием «Aus Sibirien» (1884). В последней работе ученый дал подробное описание своих раскопок с рисунками, всесторонне охарактеризовал тюркские народы Сибири, Средней Азии и Казахстана. Издание полного пере-

вода на русский язык этого труда состоялось только в 1989 г. под названием «Из Сибири: Страницы дневника».

Источники

- АИИМК¹. Ф. 1. 1863 г. Д. 8.
АИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4.
АИИМК. Ф. 1. 1864 г. Д. 17.
АИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 22.
СПФ АРАН². Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 138.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 219.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 2.
СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Ед. хр. 23.
ЦХАФ АК³. Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2.
ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Св. 17. Д. 294.
ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785.
ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2819.

Библиография

- Артюх Е.А. Археологические исследования В.В. Радлова в 1862 г. // Барнаул на рубеже веков. Барнаул, 2005. С. 47–51.
Бартольд В.В. Сочинения. М., 1976. Т. 9.
Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований. Новосибирск, 1986.
Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4.
Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968.
Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.
Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: история изучения. М., 1996.
Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е гг. Барнаул, 1995.
Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири: Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. (Верховья Катунь) // Тр. Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. Разряд археологии. С. 71–106.

¹ Здесь и далее — Архив Института истории материальной культуры РАН.

² Здесь и далее — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

³ Здесь и далее — Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. 5 января 1907 г. СПб., 1907.

Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974.

Отзывы (Н.И. Ильминского, И.А. Бодуэна де Куртенэ и др.) о научных заслугах Радлова // Восточное обозрение. 1884. № 46. С. 9–10.

Письма Радлова в Географическое общество во время поездки его в Туркестанский край // Известия ИРГО. IV. 1868. Отд. II. С. 324–327.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.

Рафиенко Л.С. Французская экспедиция 1861–1862 гг. на Алтай // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 241–245.

Решетов А.М. В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137–155.

Рыженков М.Р. Роль военного ведомства в России в развитии отечественного востоковедения в XIX — начале XX в. М., 1991.

Сорокин С.С. Большой Барельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1969. Т. 10. Вып. 7. С. 208–235.

Тишкина Т.В. Менье Мари Луи Гюстав // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 183–84.

Штернберг Л.Я. Из жизни и деятельности В.В. Радлова // Живая старина. 1909. XVII. Вып. 2–3.

Штернберг Л.Я. Радлов В.В. // Материалы для биографического словаря действительных членов ИАН. Пг., 1917. Ч. II. С. 121–136.